

Семенов 1992 — Семенов В. А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: к реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян). СПб., 1992.

Сидоров 1972 — Сидоров А. С. Идеология древнего населения коми // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С. 32—44.

Толстой 1990 — Толстой Н. И. К реконструкции семантики и функции некоторых славянских изобразительных символов и мотивов // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 47—61.

Публикации фольклорных текстов и этнографических материалов

Афанасьев 1985 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М., 1985. Т. 1.

Афанасьев 1986 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М., 1986. Т. 2.

Климов 1990 — Оласо да вѡласо (Жилибыли) / подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. В. Климова. Кудымкар, 1990. Т. 1.

Конкка 1963 — Карельские народные сказки / сост. У. С. Конкка. М.; Л., 1963.

Куратов 1989 — Куратов И. А. Коми гор (Голос коми). Сыктывкар, 1989.

Лебедева 1982 — Эпические памятники народов Крайнего Севера / сост. Ж. К. Лебедева. Новосибирск, 1982.

Лукина 1990 — Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. М., 1990.

Плесовский 1983 — Коми шусьѡгъяс да кывйѡзъяс (Коми пословицы и поговорки) / сост. Ф. В. Плесовский. Сыктывкар, 1983.

Сакали 1956 — Сакали М. А. Туркменский сказочный эпос. Ашхабад, 1956.

Хангалов 1898 — Хангалов М. Н. Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят Унгинского инородческого уезда Балаганского округа // Этнографическое обозрение. 1898. № 1.

Эргис 1964 — Якутские сказки / сост. Г. У. Эргис. Якутск, 1964. Т. 1.

Wichmann 1916 — Wichmann J. Sytjänische Volksdichtung. Helsinki, 1916.

Summary. *The article is an attempt to observe the process of formalization, stereotype formation on the example of komi «transparency» formulas. Their typology, genesis, genre multifunctionality, historical transformation at the late stage of existence are revealed.*

Key words: *traditional beauty formula, stereotype, «transparent» style, demythologization, symbol homonymy, body «transparency», attributive formula.*

В. И. КАРПОВ
(Москва)

«ДЛАНЬ ИСЦЕЛЯЮЩАЯ»: ОБРАЗ РУКИ В НИЖНЕНЕМЕЦКИХ ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРАХ

Аннотация. *В статье анализируются особенности употребления соматизмов в немецких лечебных заговорах на примере лексемы die Hand. Рассматриваются случаи использования соматической лексики как локализаторов болезни и для описания специфических функций частей тела в ритуально-заговорном акте.*

Ключевые слова: *соматизм, лечебный заговор, сакральный персонаж, ритуал, действие*

Тезис о доминирующем положении соматического кода в национальном культурном пространстве считается достаточно обоснованным и не требующем доказательств [Гудков, Ковшова 2007, 72—77]. В то же время, вопрос о принципах описания соматикона¹ как уникального для каждого этнокультурного сообщества семиотического комплекса не находит однозначного решения [Романов, Сорокин 2004]. Реконструкция соматического кода часто сводят к упрощенной дихотомии «человек внешний» (физическое тело) — «человек внутренний» (ментальные, эмоциональные качества), сознательно оставляя за рамками рассмотрения более сложную логико-когнитивную оппозицию «свое» — «чужое». А между тем Ю. А. Сорокин, постулируя, что «соматологический экзобраз неизбежно опосредован эндообразом», добавляет: «для того чтобы сравнивать себя с другими, необходима точка отсчета *лицо — в — себе и тело — в — себе*, необходим некоторый эталон для опознавания *своего и чужого*, фактически или латентно находящегося рядом» [Сорокин 2003]. Соответственно, известное еще по работам М. М. Бахтина разграничение «внешнего» и «внут-

¹ «Соматикон — совокупность соответствующих психоглосс, автообразов, позволяющих личности рассматривать себя, свой витальный и ментальный мир как единое целое» [Сорокин 1998, 36]

ренного» тела не существует вне мировоззренческой парадигмы, которая строится на разделении окружающего на *свое* и *чужое*. Слово является и признаковым элементом парадигмы, и ее непосредственным проявлением. «В отношениях взаимодополнительности находятся три элемента — соматическое, психическое и логическое», опираясь на последнее, мы в известной степени судим о первом и втором, ибо «слово/лексема служит характеристикатором соматико-психических состояний» [Там же].

Считая возможным представить карту человеческого тела («соматологическую карту») как *универсальный текст* («инобытие телесности»), Ю. А. Сорокин пишет, что его смыслы закреплены за определенными участками/«квадратами», вариативность смыслов конечна в силу ограниченности используемых оценок-характеристик того или иного «квадрата», и, наконец, эти смыслы квазиконкретны (они «овеществляются» с помощью компаративов) и квазиконстантны, поскольку указывают и на реальную, и на мыслимую среду. Такие «квадраты» соматологической карты заполняются специальными словами — соматизмами, включенными «во внутренний контекст, который является и перцептивным, и когнитивным, и аффективным, вербальным и невербальным, а процесс идентификации слова носителем языка является сложным процессом считывания всех этих характеристик» (ссылку на работу А. А. Залевской см. [Сорокин 1998, 34—35]).

Повышенное внимание проблеме человеческой телесности уделяется в рамках филологических наук. Однако модель описания вербальных соматологических маркеров вполне применима и в смежных науках, в частности, в лингвофольклористике, тем более что среди отечественных исследователей фольклора наблюдается живой интерес к соматической лексике: изучаются соматизмы в русских народных песнях, волшебных сказках, в текстах русских заговоров и былин. Особую ценность представляют исследования соматической лексики в рамках кросскультурной

лингвофольклористики, предполагающей сравнение фольклорно-языковых явлений двух и более этносов; например, рассматриваются соматизмы в немецкой и английской песенной поэзии, в русской и немецкой паремии (подробнее см. [Савченко 2008, 44—49]). Фольклорная среда бытования текстов, их тесная взаимосвязь с невербальной семиосферой усложняет процесс прочтения соматологической карты необходимостью учитывать дополнительные параметры, связанные с каждым типом текста в отдельности. Так, говоря о лечебных заговорах как типе сакральных текстов, мы прежде всего отмечаем, что имеем дело с «произносимым по особым правилам или в особых условиях суггестивным текстом, символически насыщенным, обладающим относительно устойчивой формально-содержательной структурой, которая отражает особенности мифологического сознания» [Коновалова 2007, 6]. Если мы задаемся целью составить «Соматикон лечебных заговоров», исходя из вполне правомерного утверждения, что лечебный заговор а priori «*телесен*», или «*соматичен*», ибо главным и единственным смыслом его существования является нацеленность на излечение тела от болезни, на восстановление телесной целостности, то вынуждены считаться и со специфической ролью/функцией частей тела в суггестивном речевом акте (жесты, мимика, движение/перемещение тела, физический контакт и т. д.), и с неизбежностью разработки специальной «процедуры считывания сакральных смыслов» [Там же]. Какой бы сложной ни казалась задача, изучение соматизмов на материале заговорных текстов может оказаться очень интересным опытом для каждого исследователя, поскольку материал позволяет выявить уникальные для каждой лингвокультурной общности черты в бытовании соматической лексики. Мы попытались провести такую работу на примере соматизма *рука*.

При лексико-семантическом описании словарного фонда языка исследователи отмечают, что соматизм *рука* является классическим полисеман-

том: он характеризуется высокой частотностью употребления, простотой морфемной и семной структуры, обладает способностью обретать новые значения при сохранении звукового и графического комплекса, активно участвовать в образовании фразеологических единиц, и сам становится источником продуктивного словопроизводства [Попова 2004, 11]. Более того, во многих языках лексема *рука* относится к сверхмногозначным словам, так, например, в толковых словарях русского языка фиксируется 16 значений, само слово входит в состав более 300 устойчивых выражений, а среди всех соматизмов занимает первое место по частотности [Мильникова 2009, 157]. Нам представляется излишним приводить статистические данные, чтобы доказать очевидный факт: в немецком языке лексема *die Hand* также является самым частотным соматизмом, который отличается широкой полисемией, сверхпродуктивностью и выступает наиболее распространенным компонентом фразеологических оборотов. В сопоставлении с русским языком концептуально важной оказывается следующая деталь: лексема *die Hand*, этимологически восходящая к древнегерманской основе **handu-*, образованной от глагола со значением «хватать/схватить» [Kluge 2002], в словарях дефинируется как «часть верхней конечности человека от запястья до ногтей» [Grimm 2004] и анатомически соответствует русскому *кисть*. Если в русском языке лексема *кисть* является частью концепта *рука*, то в немецком слово *die Hand* оказывается настолько значимым понятием, что перекрывает по употребительности соматизм *der Arm* «часть конечности выше запястья», фактически замещая его в большинстве контекстов, если при этом не идет речь об анатомической дифференциации частей тела. Таким образом, на соматологической карте (пользуясь картографической терминологией) координаты соматизма *рука/die Hand* вычисляются по универсальной для многих языков «анатомической широте» и этноспецифической «функциональной долготе».

Мы хотели бы рассмотреть вопрос, в какой мере немецкие лечебные заговоры расширяют наши знания о функционировании интересующего нас немецкого соматизма. При исследовании довольно объемного корпуса нижненемецких (далее в примерах — ннем.) заговоров² нами были отобраны примеры с лексемой *die Hand*, при этом учитывались также те записи, где данная лексема присутствует в сопровождающих комментариях-инструкциях.

Анатомический концепт *die Hand* связан прежде всего с локализацией болезни. В этом употреблении трудно выявить национально-специфические оттенки значения, ведь соматизм выступает лишь маркером пораженного участка тела. Здесь важны идентификация и последующее устранение самого недуга, поэтому лексема *die Hand* может стоять в ряду других соматизмов в составе так называемых списков-перечней всех возможных локализаций болезни. Нередко в эпической части (*historiola*) описывается прецедентная ситуация, некий случай с мифическим или сакральным персонажем, пострадавшим от того же недуга и чудесно исцелившимся. Вот, например, заговор от укуса «ядовитого животного» (*gegen den Biss eines giftigen Thieres*) [WA 1939]: *Paulus reiset übers Meer um Reiser zu sammeln. / Da biss ihn eine Schlange in die Hand, / es schwoll nicht, es quoll nicht, es that auch nicht weh! So soll dies auch thun! (i. N.)*³ — (Св.) Павел поехал за море, дабы хвороста набрать, / там укусила его змея в руку, / (у него) не опухло, не отекло, даже не болело! пусть и у тебя так будет!

² Тексты были отобраны автором в 2008 г. во время работы в архиве «Собрание Рихарда Воссидло» при Институте этнографии университета немецкого города Росток (датировка текстов: вторая пол. XIX в. — первая пол. XX в.), объем корпуса нижненемецких лечебных заговоров составляет свыше 1000 единиц, с учетом издания Герхарда Стаака 1931 г. — около 2000; при ссылке указаны архив WA и год фиксации заговора.

³ Наиболее частотная формула закрепительной части лечебного заговора, приводится в записях в сокращении *i. N. — im Namen des Vaters, des Sohnes und des Heiligen Geistes — во имя Отца, Сына и Святого Духа*.

Помимо верхних конечностей у сакрального персонажа могут повреждаться суставы и стопы, глаза и внутренние органы, но чаще всего нарушается телесная целостность, когда нанесенные раны вызывают кровотечения. Положительный исход каждого такого клинического инцидента объясняется статусом персонажей, мифологизированных и наделенных набором некоторых «чудесных» качеств. Ритуальный перенос на больной орган волшебных свойств частей тела сакрального персонажа, фактическое уподобление человеческого сверхчеловеческому является необходимым компонентом врачевательного акта, нацеленного на успешное избавление от недуга.

Формула «человеческое/профанное» — «сверхчеловеческое/сакральное», представленная в ее частном виде как «рука человека — рука святого», является одной из форм реализации развернутой в заговорно-ритуальном контексте дихотомии «свое» — «чужое». В этом случае приходится сознательно отказываться от использования термина «опозиция», поскольку обязательная ориентированность на положительный медицинский эффект проявляется не в противопоставлении, а в синкретизме концептуально несводимых в единое целое сущностей. Дихотомическая пара «бытие» — «небытие» (если рассматривать только соматическую лексику) реализуется в заговорных текстах исключительно в рамках анатомического концепта *die Hand*: «рука живая — рука мертвая». Первый компонент реферирует к исцеляемому: больной приходит к знахарю и просит его излечить от недуга; симптоматика болезни может быть различной, наиболее частыми являются ожоги, локализованные на руке (ннем. *dei Hillbrandshand*). Второй компонент — симпатическое средство исцеления, то есть подобный орган с противоположными свойствами. При ожогах пораженная часть тела «горит», больной испытывает мучительный зуд, боль и жжение; произносится текст, где упоминается тот же орган, но лишённый болезненных признаков: он и не болит, и не зудит, и не опухает, и не отекает, и не жжет, и не горит от жара

(*du sollst nich riten, / du sollst nich spliten / du sollst nich hecken / du sollst nich stecken*). Таковой может быть лишь рука мертвого человека⁴ (ннем. *Dodenhand, kolle Hand, tote Mannshand, kalte Manneshand, kallte Todtenmans Hand*), например [WA 1934]: *Ich ging wohl über Berg, Tal und Sandland / was fand ich da / eine eiskalte todte Manneshand / damit still ich den Kaltenbrand — Шел я по горе, долине и песчаннику / что нашел я там? / ледяную мертвую человеческую руку / этим успокою я ожог*. Эксплицитно эффект достигается за счет использования однотипных компаративных синтаксических структур, например, придаточных сравнения, оформленных по принципу синтаксического параллелизма, а заключительная формула усложняется перечислением недугов, которые могут поразить руку [WA 1936]: *Wie hoch ist der Häwen, wie rot ist der Krebs, wie kalt ist die Totenhand, damit still ich Rose, Gicht, Fluss, Wehdage und Brand (i. N.) — Как высоко небо, как красен рак, как холодна мертвого рука, этим успокою я рожу, ломоту, отек, боли и ожог*. Механизм сравнения носит довольно сложный характер: текст содержит, с одной стороны, апелляцию к константным символам мироздания («небо высоко»), с другой — в скрытой форме — симптом и, соответственно, сам недуг (раки краснеют, когда их бросают в огонь — рука покраснела от ожога), и, наконец, желаемый результат лечения. Последний, кстати, может называться и напрямую, а вот сравнение с холодной рукой мертвеца, напротив, скрыто, оно реконструируется по параллельным текстам, ср. [WA 1939]: *Wie hoch ist der Häben, / wie rot ist der Krebse, / wie koll ist di deine Hand, / damit still ik die Rose, Hilch, Jicht, Fluss, Wehdag und Brand / (i. N.)*, дословный перевод третьей строки: «какая холодная тебе твоя рука» — здесь содержит-

⁴ По мнению авторитетного «Словаря немецких суеверий», сочетание «рука мертвеца» упоминалось в начале XX в. в Германии в советах по излечению от различных недугов: глазных болезней, искривления позвоночника, опухолей, сыпи, бородавок [Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens 2000, 9267].

ся указание на желаемый результат как свершившийся факт.

Соматические лексемы с «мортальным» атрибутом прочитываются или, что важнее для фольклорных текстов, прослушиваются иногда так, что в результате фоносемантического переосмысления возникают новые оттенки мифологичного. Так, ннем. *Todtenmans Hand* — рука мертвого человека превращается в ннем. *Demans Hand* — рука демона, как видно в заговоре от ожога и заражения крови [WA 1924]: *Hoch ist de Hewen / roth ist daneben / kalt ist des Demans Hand / damit still ich den kalten Brand / (i. N.) — высоко небо / красно рядом / холодна демона рука / этим успокою я ожог.*

Функциональный аспект содержания концепта *die Hand* приобретает в ритуальном акте особое значение, ведь речь идет о непосредственном физическом воздействии на больное место со стороны исцеляющего. Произнося лечебный заговор, знахарь подчеркивает, что акт исцеления проводится:

a) только им самим [WA 1924]: *Schwulst und Schmerzen / ich bespreche dich mit meine kalte Hand / du sollst fallen im Sand / (i. N.) — опухоль и боли / я заговариваю тебя своей холодной рукой / чтоб ты пала на песок;*

b) его рукой и рукой святого целителя [StaaK 1930]: *Christi Blut ist eingenommen. / Mit Christi Hand und meiner Hand / nähm ich den Schwulst davon — Христову кровь приняли / Христовой рукой и своей рукой / отведу и я опухоль с нее;*

c) только святым целителем [WA 1929]: *Diesen Verband verbinde ich mit Gottes Hand, / Christi Blut und Wunden sind geheilt in 300 Stunden / (i. N.) — эту повязку наложу я рукою Божью / Христовы кровь и раны да исцелятся за 300 часов.*

Личная заинтересованность в успешном исходе заговорного акта выражается в употреблении личного местоимения или форм глагола первого лица. Однако при прямом или косвенном обращении к сакральным персонажам образ самого целителя находится в тени. Важным оказывается привлечение, «заманивание» магической силы, которой наделена рука святого. В нарративной

части заговора повествуется о некотором событии, связанном с опасностью или чьей-то болезнью, которые устраиваются ритуальным жестом — движением руки [WA 1939]: *Jesus hebt auf seine allmächtige Hand / Er tödtet den kalten und warmen und wilden und feurigen Brand — Иисус поднимает свою всемогущую руку / Он убивает холодный и горячий и дикий и огненный ожог.* Чудодейственность является как бы неотъемлемым, заданным изначально свойством руки сакрального персонажа, усиливаемым особыми эпитетами. Если это Дева Мария, то подчеркивается ее непорочность [WA 1893]: *De Arre un de Slangen, de legen beid ant Land. / Dunn kem Mutter Marie gegangen mit ihr' schloweissen Hand / und sprach: "Schlange, du sollst stille stehen/und auch nicht weiter gehen" / (i. N.) — гадюки и змеи лежали все на поле / Вот пришла Мать Мария с ее белоснежной рукой / и молвила: «Змея, стой на месте / и дальше не иди».*

Уточнение некоторых деталей ритуального акта проявляется в акцентировании внимания на том, как рукой производится врачевательное действие. Точные указания содержатся прежде всего в инструкциях, которыми бывают снабжены лечебные заговоры. Целителю при проведении акта врачевания рекомендуется до момента чтения самого заговора следующее:

1) положить ладонь на больное место: *wenn der Mond im Wachsen ist, so schaut man ihn an, legt die Hand auf den Bruch und spricht — при растущей луне — взглянуть на луну, положить руку на перелом и сказать;*

2) погладить рукой по больному месту: *man fahre dreimal mit der Hand über den Rücken der Kuh und spreche — трижды погладить рукой корову по спине и сказать;*

3) схватить или сжать больное место: *man greife mit der Hand auf die Brust oder auf das Loch und spreche — прижать рукой на груди рану и сказать.*

Общие рекомендации дополняются указанием, какой именно рукой врачующий должен совершать действия:

1) положить правую ладонь или прикоснуться пальцами правой руки к больному месту: *man lege drei Finger der*

rechten Hand auf die Wunde — положить три пальца правой руки на рану;

2) погладить правой рукой больное место: *streiche mit der rechten Hand über die Rose und sage still 3 mal* — погладить правой рукой [место, пораженное] рожей и сказать тихо три раза;

3) при заминивании необходимо креститься правой рукой, обернутой голубым фартуком: *die sprechende Frau macht dabei Kreuze mit der rechten Hand, die sie mit einer blauleinenen Schürze bewickelt*.

Инструкции содержат описание непосредственно тех действий, которые долж. совершать целитель во время акта. Экспликация децельностной стороны не исключает уточняющих деталей и в самом тексте заговора, когда в эпической части сакральный персонаж осуществляет похожие действия своей рукой [WA 1937]: *Petrus und Paulus wollten nach Rom reisen. / Petrus sein Pferd war totkrank. / Da legte der Herr die Hand an die Brust / und das Pferd ward gesund zur selben Stund / (i. N.) — Петр и Павел собрались в Рим / У Петра его лошадь смертельно заболела / Тогда положил Господь руку на грудь / и лошадь выздоровела в тот же час*. Сам знахарь может подчеркивать, что акт исцеления совершается его рукой [Staak 1930]: *ick legg min Hand up dinen Buk, / Kolik stall stille stahn / Un Wehdag' rute gahn — я положу мою руку на твой живот / да успокоится колика / и боль выйдет вон*. Болезнь изгоняется как бы из-под его ладони, обладающей исцеляющей силой [Staak 1930]: *Räwkau un Herzensbrand, / dat verswinn ünner min Hand — ревматизм и боль в сердце / они исчезнут из-под моей руки*.

За рамками рассмотрения мы сознательно оставили другие случаи употребления соматизма *die Hand* в лечебных заговорах. Наш краткий обзор имел своей целью, во-первых, привлечь внимание отечественных коллег к мало изученному и почти незнакомому нам корпусу немецких текстов и, во-вторых, обозначить некоторые дополнительные параметры описания соматической лексики, которые могли бы быть полезными при создании универсального «Соматикона лечебных заговоров».

Литература

Гудков, Ковшова 2007 — Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М., 2007.

Коновалова 2007 — Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2007.

Мыльникова 2009 — Мыльникова Н. В. Функциональный аспект содержания концепта «рука» // Вестник СамГУ. 2009. № 1(67). С. 158—163.

Попова 2004 — Попова А. Р. Полисемант рука и реализация его лексико-фразеобразовательных возможностей в русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004.

Романов, Сорокин 2004 — Романов А. А., Сорокин Ю. А. Соматикон: аспекты невербальной семиотики. М., 2004.

Сорокин 1998 — Сорокин Ю. А. Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Язык, сознание, коммуникация / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 1998. С. 34—44.

Сорокин 2003 — Сорокин Ю. А. Соматологическая карта и ее прогностический статус // Методология современной психолингвистики. М.; Барнаул, 2003.

Савченко 2008 — Савченко В. А. Концепт «борода» в русских и немецких паремиях // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 44—49.

Staak 1930 — Staak, Gerhard. Beiträge zur magischen Krankheitsbehandlung. Die magische Krankheitsbehandlung in der Gegenwart in Mecklenburg. Wismar, 1930.

Электронные справочные издания

Grimm 2004 — Der digitale Grimm. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Frankfurt am Main, 2004.

Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens 2000 — Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Walter de Gruyter: Berlin, 2000.

Kluge 2002 — Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Walter de Gruyter: Berlin, 2002.

Summary. *The paper analyses some specialties of somatisms usage in the German medical charms formulas taking the lexeme die Hand as example. It deals with cases where somatic words are used to localize the disease and to describe specific functions of human body parts in the ritual acts.*

Key words: *somatism, medical charms, sacral person, ritual, act.*